

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Вяч. Вс. ИВАНОВ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Е. Д. ПОЛИВАНОВА

Замечательный советский лингвист проф. Е. Д. Поливанов принадлежал к числу тех языковедов, которые в 20—30-е годы стремились, используя наследие лучших русских и зарубежных ученых, выработать теоретические принципы советского языкознания и применить их к исследованию различных языков и к решению задач, выдвигаемых общественной практикой.

Лингвистические взгляды Поливанова складывались под влиянием И. А. Бодуэна де Куртене и Л. В. Щербы, у которых он студентом Петербургского университета учился в годы перед первой мировой войной. В ранних работах Поливанова отчетливо проявляется характерное для школы Бодуэна де Куртене увлечение психологическим истолкованием языковых явлений. Позднее Поливанов обращается к тем положениям Бодуэна, которые, как он полагал, могут оказаться полезными при создании социологического языкознания. Поливанов считал, что труды Бодуэна де Куртене и его школы превосходят основные идеи Ф. де Соссюра и имеют первостепенное значение для исследования языка как общественного явления (За маркс. яз., стр. 3—4¹; Введ. стр. II; Круг, стр. 61).

Уже в первом теоретическом курсе, читанном Поливановым в 1915—1916 гг., содержатся высказывания, в которых учитывается прежде всего социальный характер фактов языка. Особенно надо отметить следующую формулировку основных принципов фонологии, где Поливанов независимо от Соссюра выдвинул понятие лингвистической «ценности»: «нужно иметь в виду, что во 1) не все физиологические и физические различия между звуками (т. е. различия по звукопроизводным работам и по акустическому составу звуков) имеют одну и ту же ценность для языка, как средства общения, и что во 2) в разных языках ценность какого-либо различия между двумя звуками может быть различной...» (Конспект, стр. 52)². Понятие «социальной ценности» фонетического явления использовалось Поливановым и в исследованиях, посвященных конкретному фонологическому описанию отдельных языков (см., например, Характеристика, стр. 188). Но вместе с тем Поливанов вплоть до последних своих работ, дати-

¹ В тексте статьи в скобках даются ссылки на работы Е. Д. Поливанова. Привяты следующие сокращения, раскрываемые в «Списке научных работ Е. Д. Поливанова» в конце статьи (порядковый номер указывает на номер соответствующей работы в «Списке»): Акц. — № 70, Алл. — № 71, Алф. — № 67, Введ. — № 52, Вокал. — № 29, Груз. согл. — № 36, Двусложн. осн. — № 10, Долг. гл. — № 31, За маркс. яз. — № 76, Зв. жесты — № 13, И.-е — о.к. — № 7, Каз. орф. — № 35, Каракалп. — № 81, Касим. — № 25, Кит. грам. — № 74, Ковв. — № 21, Копс. — № 78, Конспект — № 4, Кор.-алт. — № 49, Кор. гл. — № 6, Круг — № 68, Лат. — № 41, Латшифт — № 26, Лекции — № 19, Материалы — № 84, Методика — № 85, Метр. кит. — № 30, Не-синг. гов. — № 58, О гольдах — № 75, О лит. языке — № 46, Особ. — № 53, Пособие — № 59, Проект — № 32, Процесс — № 17, Психофон. — № 9, Сопост. грам. — № 83, Ср. Очерк — № 1, Ташк. диал. — № 27, Тезисы — № 16, Термины — № 22, Транскр. — № 8, Ту-кюз — № 48, Узб. грам. — № 43, Узб. диал. — № 82, Факторы — № 55, Фон. ковв. — № 24, Характеристика — № 39, Шем. суд — № 20, Этногр. узб. — № 42, Яп. акц. — № 28, Яп. грам. — № 73, Яп. - мал. — № 11, Яп. язык — № 77, Вет. — № 86, Perception — № 80, Travail — № 37, Umlaut — № 23, Un mot — № 88.

² Самостоятельность этого высказывания, поразительно близко к одной из основных мыслей «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, доказывается тем, что курс Поливанова был прочитан в 1915—1916 гг., тогда как книга Соссюра, впервые изданная в 1916 г., попала в Петроград несколькими годами спустя.

руемых 1937 г., пользовался психологической терминологией, упорно называя фонемы «звукорепрезентациями», а фонологию—«психофонетикой». В этом отношении терминология фонологических работ Поливанова уступает способу изложения, принятому в исследованиях тех лингвистов, которые вслед за И. Ф. Яковлевым¹ еще в 30-х годах отказались от психологической интерпретации теории фонем. Однако к «психофонетическим» исследованиям Поливанова приложима та характеристика, которую акад. Л. В. Щерба дал фонологическим трудам Бодуэна де Куртена: психологические формулировки совершенно не существенны для теоретического содержания этих работ².

Если в первых общелингвистических курсах Е. Д. Поливанова можно еще встретить переиначенные им у его учителей утверждения о том, что только индивидуальный говор доступен точному описанию (Конспект, стр. 8; Лекции, стр. 14), то в годы после Октябрьской революции понимание Поливановым соотношения между индивидуальным и социальным в языке резко изменится. Во многих работах этого времени он указывает, что лингвисты предшествующего поколения, давая определение языка, недостаточно подчеркивали его социальный характер (Сопост. грам., стр. 7); при этом даже когда в теории признавалось, что язык является социальным явлением, в лингвистической практике социальная сторона языка «оставлялась почти без внимания» (Особ., стр. 4). Наиболее существенной особенностью первого послереволюционного десятилетия в истории нашей лингвистики Поливанов считал «перенос центра тяжести на социологическую сторону в изучении языка» (Особ., стр. 5).

Согласно взглядам Е. Д. Поливанова, «целовая установка, т. е. то, для чего и ради чего язык существует,—это именно лишь коммуникация, необходимая для связанного кооперативными потребностями коллектива» (Факторы, стр. 20). «Таким образом, явления языка, т. е. речевого общения, становятся в один ряд с такими видами человеческой деятельности как письмо, сигнализация, радиотелеграфия и т. д.» (там же, стр. 20; об изучении жестов³ см. также Введ., стр. 26, § 6). Эта мысль развивает положение Ф. де Соссюра, но, в отличие от Соссюра, Поливанов сопоставляет язык не столько с другими системами знаков, сколько с системами, служащими для коммуникации (т. е. с кодами, согласно современной терминологии). Такая постановка вопроса представляет особый интерес в свете современной математической теории информации (или, как ее иногда называют, теории коммуникации)⁴.

Необходимым условием для существования языка Е. Д. Поливанов считал наличие коллектива, который может быть обслужен только данным языком. Такая предпосылка является обязательной как по отношению к обычным языкам, так и применительно к искусственным международным языкам, например эсперанто или идо (За маркс. яз., стр. 55; Круг, стр. 57).

Из определения языка как системы, служащей для коммуникации, Поливанов исходит и при исследовании развития языка; поэтому он

¹ См.: Н. Яковлев, Таблицы фонетик кабардинского языка («Труды под-разряда исследования северокавказских языков при Ин-те востоковедения в Москве», вып. 1), М., 1923 (стеклогр. изд.); е г о ж е, Математическая формула построения алфавита, сб. «Культура и письменность Востока», кн. 1, М., 1928, стр. 46.

² См. Л. Щерба, И. А. Бодуэн-де-Куртене. Некролог, ИОРЯС, т. III, кн. 1, 1930, стр. 317, 315.

³ Анализ жестов в японском дан в ряде работ Поливанова (Психофон., стр. 63, примеч.; Зв. жесты).

⁴ На эти мысли Поливанова, как и на некоторые другие стороны его лингвистической концепции (в частности, на теорию факторов эволюции языка), представляющие особый интерес с точки зрения теории информации, не обратил должного внимания Дж. П. Спринджер, хотя в его монографии, посвященной анализу тех работ советских лингвистов, которые явились вкладом в разработку проблем коммуникации, разбору взглядов Поливанова уделяется значительное место (см. G. P. Springer, Early Soviet theories in communication, Cambridge, Mass., 1956, стр. 41, 46—48, 62—64).

приходит к выводу, что изменения в языке совершаются без нарушения возможностей взаимопонимания членов коллектива, принадлежащих к разным поколениям. В ходе языковой эволюции принципиальное преобразование фонетического и морфологического строя языка мыслимо **«лишь как сумма из многих небольших сдвигов, накопившихся за несколько веков или даже тысячелетий, на протяжении которых каждый отдельный этап или каждый отдельный случай преемственной передачи языка (от поколения к поколению) привносил только неощутительное или мало оощутительное изменение языковой системы»** (За маркс. яз., стр. 41).

Е. Д. Поливанов отмечал, что при переходе политической и экономической гегемонии к новой социальной группе язык весьма часто оказывается «более консервативным, чем другие области наследуемой (новым господствующим классом) культуры...» (Яп. грам., стр. X). Новая социальная группа копирует язык ее предшественницы «и лишь во вторую очередь... вносит в эту картину стандартного языка частичные новшества — черты, отображающие специфические особенности этой новой группы» (За маркс. яз., стр. 64). Полемизируя с яфетидологами, Поливанов многократно подчеркивал, что общественные сдвиги отражаются «более или менее непосредственно» только в лексике и фразеологии (За маркс. яз., стр. 120), которые являются «наиболее быстро чувствительной областью языка» (там же, стр. 77). Поливанов решительно возражал против лжэ научных попыток объяснить фонетические и грамматические явления непосредственным воздействием социально-экономических факторов. Но вместе с тем он придавал очень большое значение влиянию этих факторов на эволюцию языка (За маркс. яз., стр. 125). Согласно его точке зрения, от социально-экономических условий зависят не конкретные факты фонетики и морфологии, а 1) решение того, «**быть или не быть** данной эволюции в языке данного коллектива» (там же, стр. 141), и 2) видоизменение **о т и р а в н ы х п у н к т о в** языковой эволюции (там же, стр. 143). Поливанов имеет здесь в виду такие процессы, как образование семей языков и языковое скрещение.

Многое в изложенной выше концепции связи эволюции языка с развитием общества в настоящее время может показаться очевидным, так как соответствующие мысли нашли за последние годы общее признание в советской лингвистике. Но следует помнить, что в 30-х годах Е. Д. Поливанову приходилось отстаивать эту концепцию, выступая против господствовавших тогда взглядов сторонников яфетидологии, которые в своей борьбе с Поливановым не останавливались даже перед политической клеветой¹.

Возражая против фантастического понимания связей между историей общества и историей языка в яфетидологии, Поливанов требовал, чтобы решение этой проблемы строилось на основе строгого изучения и обобщения реальных фактов (За маркс. яз., стр. 49; ср. замечания о трудах А. А. Шахматова — Круг, стр. 61). Соблюдению этого требования в работах самого Поливанова способствовало то, что его лингвистические занятия часто сочетались с этнографическим исследованием тех народов, языки которых он изучал (ср. Этногр. узб.; Ташк. диал.; Шем. суд; О гольдах)².

¹ В этом отношении особенно показательны: книга «Против буржуазной контрбанды в языкознании» («Сб. бригады Ин-та языка и мышления АН СССР», Л., 1932, стр. 3, 36, 105, 129); статья Н. Я. Золотова «Об одной реакционной теории и наших задачах» («Яфетический сборник», VII, Л., 1932) и рецензия Ст. Б. на книгу Е. Поливанова «За марксистское языкознание» (там же).

² Многочисленные этнографические наблюдения и записи ценных фольклорных и этнографических материалов содержатся также в монографии и статьях Поливанова, посвященных японской диалектологии.

Из содержащихся в трудах Поливанова конкретных наблюдений над развитием лексики, связанным с социальными явлениями, заслуживает внимания анализ новых фактов в словаре русского языка революционной эпохи, в частности классификация сложносокращенных слов, особенности которых Поливанов сопоставлял с результатами слоговой абсорбции в устной речи (За маркс. яз., стр. 70, 80—81, 136, 144; О лит. языке, стр. 230—235)¹.

Характеризуя связь языка и общества, Е. Д. Поливанов указывал, что от социальных факторов зависит изменение состава коллектива, говорящего на данном языке, а также различный удельный вес объединяемых в этом коллективе групп, говорящих на разных диалектах (За маркс. яз., стр. 124—125). Поэтому в его работах значительное внимание уделяется вопросам социальной диалектологии. Интерес к этим проблемам Поливанов мог усвоить от Бодуэна де Куртене, который изучал не только «горизонтальное» расслоение языка на территориальные говоры, но и «вертикальное» — на социальные говоры². Характерно, что русское воровское арго, которым специально занимался Бодуэн, послужило темой специальной статьи и для Поливанова (За маркс. яз., стр. 152—160). Воровское арго Поливанов изучал в сопоставлении с другими «потайными языками»; их особенность он видел в том, что «в процессе создания коммуникационной системы вносится криптоаллигическое задание, т. е. задание сделать данный язык (или жаргон) „потайным языком“ (криптоаллигией), — непонятным для определенных слоев общества (не входящих в данное профессиональное объединение, на которое рассчитан данный потайной язык)» (За маркс. яз., стр. 37). Криптоаллигические жаргоны являются, по его мнению, одной из разновидностей социально-групповых говоров, к которым Поливанов относил также классовые и профессиональные диалекты (За маркс. яз., стр. 58, ср. стр. 167, примеч. 1). Поливанов исследовал не только лексические особенности социальных диалектов (ср. интересные лексические комментарии к записям узбекских диалектов в ст. Не-синг. гов.), но и их фонетические признаки (За маркс. яз., стр. 117—151), используя при этом, между прочим, результаты работы фонетического семинара Л. В. Щербы (За маркс. яз., стр. 131, примеч. 1). С точки зрения социальной диалектологии Поливанов пробовал объяснить и такие морфологические явления, как употребление японского гонорифического (пизетического) префикса *о-* (Яп. грам., стр. XI; За маркс. яз., стр. 164, примеч. 1).

В ряде своих работ Поливанов включил в круг социально-диалектологических исследований и изучение стандартного языка (койнэ), считая, что этот язык используется преимущественно господствующим классом. Такая точка зрения, не являющаяся органической для общелингвистической концепции Поливанова, вступала в противоречие с основными положениями этой концепции (ср., например, противоречивую социальную характеристику японского языка: Яп. грам., стр. V—XII; Яп. язык, стр. 731—733). Схематичность и прямолинейность экономических и социологических объяснений особенностей развития языков и диалектов проявляется не только при рассмотрении Поливановым стандартного языка и литературного языка как языков классовых, но и при попытке связать с экономическими факторами процессы раздробления и объединения языков и диалектов. Однако и в тех работах Поливанова, которые посвящены этим проблемам, наряду со спорными или ошибочными выводами можно найти много ценных наблюдений. В частности, значительный интерес представляет анализ диалектных отношений в городах (Токио, Акита, Такиена), где «... придется весьма часто на деле отождествлять понятия районного и социально-группового говора» (Яп. грам., стр. VII; ср. Введ., стр. 38—39, примеч. 2, а также Этногр. узб.).

Стремление дать исчерпывающий социологический анализ говора отразилось на методике диалектологических исследований Поливанова. В первый период его лингвистической деятельности, когда он в качестве одного из создателей японской диалектологии занимался изучением японских говоров³, Поливанов пользовался методами диалектологического описания, сложившимися под влиянием А. И. Белича (Психофон., стр. XII) и Л. В. Щербы (ср. Особ., стр. 8). Следует, в частности, отметить, что уже в первых своих диалектологических исследованиях Поли-

¹ Позднее результаты этих наблюдений Поливанова (как и выводы других многочисленных работ советских и зарубежных ученых, посвященных этой теме) были использованы в обобщающей монографии А. Ваеклунд: *A. Vaeklund, Die unverbundenen Verkürzungen der heutigen russischen Sprache. Inaug.-diss., Uppsala, 1940*, особенно стр. 23—24.

² См. И. Бодуэн-де-Куртене, Предисловие к кн.: В. Ф. Трахтенберг, *Блатная музыка*, СПб., 1908, стр. XII.

³ См. оценку диалектологических работ Поливанова по японскому языку в кн.: Н. И. Конорад, *Синтаксис японского национального литературного языка*, М., 1937, стр. 14..

ванов пользовался фонологическими методами и фонологической транскрипцией. В работах же 30-х годов, посвященных узбекской диалектологии, Поливанов пробовал выработать методы диалектологической статистики для описания «коллективного говора» (За маркс. яз., стр. 174—176). Он высказывал предположение, что в дальнейшем окажется возможным приложить к изучению диалектов «теорию функций (в связи, напр., количественной характеристикой каждого из смешивающихся этнических элементов и количественными стандартами обследуемых в каждом диалекте индивидуумов)» (За маркс. яз., стр. 176). Мысль о подобном применении математических методов в диалектологии¹ представляется менее утопичной в настоящее время, после разработки математического аппарата «теории игр», который, вероятно, может быть использован в исследованиях этого типа.

Школе Бодуэна де Куртэна Е. Д. Поливанов был обязан тем, что описание диалекта или языка в его работах обычно содержало указания на пути развития данной системы. По словам Поливанова, «так как ни один момент языковой истории не выпадает из общей линии безостановочной диалектической эволюции языковых фактов, мы должны встретить в любую эпоху языковой истории, а следовательно, и в современном нам языке ряды неразрешенных диалектических противоречий и уже в силу этого вынуждены рассматривать относящиеся сюда явления не чисто в статическом (описательном) аспекте, но именно как явления текущие и переходные—между некой исходной точкой (в прошлом) и синтетическим разрешением противоречивой характеристики данного явления (в будущем)» (Сопост. грам., стр. 17; ср. там же, стр. 170, примеч. 2 и Коис., стр. 150). В исследовательской практике Поливанова сочетание описательных и исторических исследований дало наиболее ценные результаты применительно к фонологическому анализу звуковой системы языка.

Характеризуя историю фонологии, Н. С. Трубецкой по праву поставил имя Поливанова рядом с именами его учителей Бодуэна и Щербы². Заслугой Поливанова является прежде всего то, что выработанные школой Бодуэна методы фонологического исследования он применил для описания звуковых систем многих языков различных семей: японского и его диалектов, китайского, дунганского³, корейского⁴, узбекского и его диалектов, каракалпакского и некоторых других тюркских языков и диалектов, таджикского⁵, грузинского и других языков. Написанный Поливановым курс общей фонетики (Введ., стр. 61—220) учитывает особенности фонологических систем различных, самостоятельно изученных им языков мира. Тщательный анализ огромного фактического материала позволил Е. Д. Поливанову сделать ряд важных обобщений. Выдвинутое им в 1925 г. понятие «потенциального словоразличения» в формах типа *прут—пруд* (см. Характеристика) предвосхищает результаты позднейших исследований, посвященных нейтрализации фонологического противопоставления. Развивая

¹ Аналогичные мысли см. также в статье Г. Шухардта «Личность автора в лингвистическом исследовании» (см. Г. Шухардт, Избранные статьи по языковедению, М., 1950, стр. 275).

² См. N. S. Trubetzkoy, Grundzüge der Phonologie, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 7, 1939, стр. 8 (франц. перевод: N. S. Trubetzkoy, Principes de phonologie, Paris, 1949, стр. 5).

³ Критическую оценку данного Поливановым фонологического описания дунганского языка см. в посмертной (незавершенной) работе Н. С. Трубецкого: N. S. Trubetzkoy, Aus meiner phonologischen Kartothek, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 8, 1939; ср. выдержку из письма Трубецкого об этой работе Поливанова (там же, стр. 343—345).

⁴ Проверку выводов работы Поливанова о корейских гласных см. в последнем исследовании Л. Р. Зиндера «Гласные корейского языка» («Сов. востоковедение», 1956, № 3); ср. также: A. Skaličková, The Korean vowels, «Archiv Orientální», vol. XXIII, № 1—2, 1955.

⁵ О результатах работы Поливанова в области изучения фонем таджикского языка см. В. С. Соколова, Фонетика таджикского языка, М.—Л., 1949, стр. 8.

идей Л. В. Щербы¹, Поливанов установил соотношение между факультативными и комбинаторными вариантами фонемы (Конспект, стр. 55; Лекции, стр. 61; Введ., стр. 218—220), позднее принятой многими фонологами. Поливанов был первым, кто установил фонологическую роль слога², охарактеризовав ее на материале китайского, японского, узбекского и русского языков.

Особую ценность представляют исследования Е. Д. Поливанова по фонологии ударения. Уже в первых своих работах о японском музыкальном ударении Поливанов пользуется фонологическими методами, которые он, следуя примеру Л. В. Щербы, успешно сочетал с экспериментально-фонетическими (см. о необходимости фонологического осмысления экспериментально-фонетических данных — Психофон., стр. IX, примеч. 2). Его исследования морфологических функций ударения (Двухсложн. осн.) продолжили традицию работ Бодуэна де Куртенэ, намечавших то понимание роли ударения, к которому позднее самостоятельно пришел Е. Р. Курилович³. Изучая музыкальное ударение в японских диалектах, Поливанов последовательно применял метод сравнения «quasi-омонимов», различающихся только акцентуацией (Психофон., стр. X). Вместе с тем он не преувеличивал значения этого метода (позднее получившего в зарубежной лингвистике название метода коммутации) и указывал, что quasi-омонимов может не хватить для всех имеющихся в диалекте типов музыкального ударения (Психофон., стр. XI). Методы фонологического описания системы музыкального ударения, выработанные Поливановым на материале японского языка, были позднее применены им к эстонскому (Введ., стр. 199—202) и другим языкам. На основании анализа явлений акцентуации в языках разных типов Поливанов смог сделать общие выводы о фонологических функциях ударения в языках мира (Введ., стр. 114—120; Акц.; Вет.).

Наибольшее влияние на последующие работы не только советских, но и зарубежных фонологов оказали исследования Поливанова в области истории фонологических систем. Поливанов разработал теорию дивергенций (расщепления одной фонемы на две) и конвергенций (совпадений двух фонем в одной) (Конв.; Фон. конв.; Факторы), которая получила широкую известность после использования ее проф. Р. О. Якобсоном в его труде, заложившем собою основы исторической фонологии⁴. Особенно важным является установленный Поливановым закон взаимозависимости конвергенций и дивергенций, ссылки на который можно встретить во многих фонологических работах⁵. Но в специальной литературе по настоящему времени не обращали внимание на то, что в трудах Поливанова по исторической фонологии изложен и ряд других плодотворных идей. В частности, им был описан тот процесс, который А. Мартинэ недавно образно назвал «цепной реакцией»⁶. Анализируя различные системы гласных фонем северо-восточных японских говоров, Поливанов показал, что изменение *i* в «аникальное» *ɨ* сделало возможным развитие *e* → *i* (которому не угрожало уже смешение с прежним * *i*); этот же переход связан в свою очередь с третьим едингом: *ai* > *e* > *e*. Таким образом, эти «три главных явления в северо-восточном локализме... взаимно друг друга обуславливают» (Вокал., стр. 106, 107). Другой случай аналогичного развития фонологической системы Поливанов рассматривает на примере казахского языка, где параллельно изменению *ч* → *ш* осуществилось развитие *ш* > *с* «в связи с нежелательностью для словоразличения совпадения двух звуков (старых *ч* и *ш*) в одном» (Каз. орф. стр. 36).

Поскольку фонологические явления Поливанов рассматривал в их взаимосвязи с другими фактами системы языка, для объяснения аномальных явлений он использовал статистические данные, характеризующие различительную роль фонем («функциональную нагрузку», согласно современной терминологии). В частности, непонятное с общefonетической точки зрения развитие *p'* → *kw'* в тибетских говорах находит объяс-

¹ См. Л. В. Щерба, Востоковедческие очерки, т. I, Пр., 1915, стр. 74.

² См. об этом R. J. Jakobson and M. N. Halle, *Fundamentals of language*, 's-Gravenhage, 1956, стр. 20, примеч. 1.

³ См. об этом в рецензии В. В. Иванова на кн.: J. Kurilowicz, *L'accentuation des langues indo-européennes* (BVL, 1954, № 4, стр. 125).

⁴ См. R. Jakobson, *Prinzipien der historischen Phonologie*, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 4, 1931, особенно стр. 250, 253, 261—262 [франц. перевод — R. Jakobson, *Principes de phonologie historique* (и кн.: N. S. Troubetzkoy, *Principes de phonologie*), стр. 319, 321, 330].

⁵ См., например: R. Jakobson, *Prinzipien der historischen Phonologie*, стр. 261—264 (R. Jakobson, *Principes de phonologie historique*, стр. 330); M. Kofřínek, *Úvod do jazykospytu*, Bratislava, 1948, стр. 89; см. также одну из последних работ о принципах исторической фонологии: J. W. Marchand, *Internal reconstruction of phonemic split*, «Language», vol. 32, № 2 (part. 1), 1956, стр. 248 (ср. ссылку на историко-фонологические концепции Поливанова — там же, стр. 247, примеч. 10).

⁶ См.: A. Martinet, *Function, structure, and sound change*, «Word», vol. 8, № 1, 1952, стр. 6; A. Martinet, *Economie des changements phonétiques. Traité de phonologie diachronique*, Berne, 1955, стр. 19, 51.

ление в том, что для этих говоров фонема $k^{w'}$ оказывается более нормальной в статистическом отношении по сравнению с p' кратким (Факторы, стр. 30, примеч. 1; ср. Яп. грам., стр. 153, примеч. 4; Конс., стр. 164).

Наиболее ярким доказательством действительности разработанных Поливановым методов исторического анализа звуковой системы является предложенная им реконструкция грузинского консонантизма. Поливанов характеризует грузинские смычные как «т р о й с т в е н н ы е, т. е. противопологающиеся друг другу в виде трех категорий, отличных по гортанной работе» (Груз. согл., стр. 113), спиранты — как парные, остальные согласные фонемы (сонанты и h) — как не парные¹. Изолированно стоящий «глубоко задненбный гамзированный» глухой смычный (т. е. фарин-

гальный абруптив) q^c ² Поливанов признал представителем древней шестой тройки смычных, два других члена которой спирантизовались (Груз. согл., стр. 116). По мнению Поливанова, ранее всего, согласно общefonетической закономерности, спиранти-

зовался звонкий член шестой тройки, превратившийся в γ . После этого происходит спирантизация придыхательного $q^c > \chi$. Последний член шестой тройки « q сохраняет до сих пор (сш *grano salis*) смычный характер»³ (Груз. согл., стр. 116). Эта картина развития грузинского консонантизма, восстановленная Поливановым посредством метода внутренней реконструкции, подтвердилась во всех деталях исследованиями Г. С. Ахвледиани (пришедшего к тем же выводам независимо от Поливанова), Г. В. Родива, С. М. Жгенти и А. Чайрешвили⁴. Подтверждение позднейшими исследованиями правильности метода внутренней реконструкции может быть сопоставлено с успехом теории «сонантических коэффициентов» Ф. де Соссюра (т. е. ларингальных) в индоевропейском языкознании.

Строгость методов, характеризовавшая фонологические работы Поливанова, была присуща и его грамматическим исследованиям. Из грамматических вопросов, которыми занимался Поливанов, наибольшую известность приобрели его высказывания о морфемах и их разновидностях⁵.

Морфемы, в понимании которых Поливанов следовал традиции школы Бодуэна де Куртене⁶ (см. определение морфемы: Введ., стр. 6; Кит. грам., стр. 3—4, примеч. 1; Яп. грам., стр. XV), он разделял на лексические и формальные, считая возможным дать статистическое обоснование этому разграничению: «...среди элементов слова явно выделяется 2 различных класса по частоте их функций (т. е. участия) среди массы различных слов; а условия, относящие тот или другой элемент к одному из этих классов, состоят, понятно, в значениях их, т. е. сводятся, в конечном счете, к вне-языковым данным» (Введ., стр. 21). По мнению Поливанова, наиболее выгодной морфологической классификацией слов является «...классификация лексических (коренных) морфем по совокупности сочетаемых с ними формальных морфем и в связи с этим, по общему характеру значений данных лексических морфем...» (Яп. грам., стр. XVII). На основании этого принципа Поливанов проводит формальную классификацию частей речи в японском

¹ Эта классификация в основном совпадает с результатами позднейших фонологических описаний грузинского консонантизма; ср., например, N. S. Trubetzkoy, Grundzüge der Phonologie, стр. 146 (N. S. Trubetzkoy, Principes de phonologie, стр. 173).

² Знак q у Поливанова соответствует принятому Г. С. Ахвледиани знаку q , соответственно $q^c = q, \gamma - \gamma, \chi = \chi$.

³ Правильность оговорки, поставленной Поливановым в скобки, доказывается новейшими экспериментальными исследованиями, свидетельствующими о спирантоидном характере q (- q Поливанова).

⁴ См. об этом: Г. С. Ахвледиани, Две системы гармонических смычных в грузинском языке, сб. «Памяти академика Л. В. Щербы», Л., 1951.

⁵ См. замечания А. Росса о влиянии на него положений Поливанова: A. S. C. Ross, Prolegomena to a definition of the morpheme, «Actes du Quatrième Congrès international de linguistes tenu à Copenhague du 27 août au 1-er septembre 1936», Copenhague, 1938, стр. 130.

⁶ См. об этом: А. А. Драгунов, Примечания, в кн.: Ван Ляо-и, Основы китайской грамматики, перевод с китайского, М., 1954, стр. 221.

языке (Яп. грам., стр. XIX—XXXV), тщательно учитывая при этом взаимосвязи между различными частями речи («мостики», по его терминологии); поэтому значительное внимание уделяется анализу словообразования. При исследовании формообразования, понимаемого Поливановым в соответствии с идеями Л. В. Щербы (ср. анализ узбекского формообразования в Узб. грам.), Поливанов отмечает и те явления «формообразования внутреннего порядка», которые являются промежуточными между словообразованием и словоизменением (Сопост. грам., стр. 115).

В ряде работ Поливанова рассматривается вопрос о соотношении между словом и морфемой. Основным признаком слова Поливанов считал потенциальную способность его к изоляции¹ (Введ., стр. 7); вместе с тем он изучал и те фонетические признаки, которые в каждом отдельном языке отграничивают слово как синтаксическую единицу от морфемы—элементарной морфологической величины (Введ., стр. 7—11). Практическое применение критериев выделения слова позволило Поливанову обосновать тезис о двухморфемности нормального слова в современном китайском языке (Кит. грам.), в настоящее время нашедший широкое признание среди китаеведов. Изучая историческое развитие соотношения между словом и морфемой, Поливанов сделал ценные выводы об особенностях процесса грамматикализации в языках разных типов (Процесс; ср. об обратном явлении—Конс., стр. 175, примеч. 2). Кроме того, Поливанову принадлежит заслуга открытия некоторых явлений грамматикализации в китайском языке².

Анализ грамматических явлений Е. Д. Поливанов связывал с изучением фонетической системы языка. В частности, структура «инкорпораций» китайского языка объяснялась в его работах не только семантическими и грамматическими факторами, но и фонетическими «требованиями формально-количественной нормы (двусложного слова)» (Кит. грам., стр. 240). Эти наблюдения представляют несомненную ценность, хотя перенесение того же метода на исследование некоторых факторов японского языка вызывало серьезные возражения³.

В учении об «инкорпорациях» китайского языка Поливанов попытался дать одновременно и очерк морфологических явлений, «и общие контуры китайского синтаксиса» (Кит. грам., стр. 239)⁴. Отчасти такое изложение китайской грамматики у Поливанова связано с тем, что классификацию частей речи он строит на морфологическом основании, что требует расширенного понимания морфологии⁵. Поливанов утверждал, что совместное рассмотрение морфологических и синтаксических явлений китайского языка диктуется особенностями строя китайского языка, где отсутствуют границы между словом и словосочетанием, характерные для других языков (Кит. грам., стр. 9, 22 и 239); поэтому в китайском языке (в отличие от европейских) он считал целесообразным разграничивать морфологию и синтаксис.

¹ На связь этого положения Поливанова с идеями Л. В. Щербы указывает А. А. Драгунов в своих «Примечаниях...», стр. 223; о предложенных Поливановым критериях различения слова и словосочетания см. там же, стр. 224.

² А. А. Драгунов в «Исследованиях по грамматике современного китайского языка», I (М., Л., 1952, стр. 38, примеч. 1) указывает, например, что превращение связки *su/ni* в своего рода суффикс впервые было отмечено в «Грамматике дунганского языка» Е. Поливанова и Ю. Иллариона. Ср. также замечания по исторической морфологии китайского языка в статье Я. Хмелевского (J. Ch m i e l e w s k i, *Zagadnienie tzw. części mowy w języku chińskim* (11), «Rozprawy Komisji Językowej [Łódźk. t-wa naukowego]», Wydział I, t. 1, Łódź, 1954, стр. 141, примеч. 4), перекликающиеся с гипотезами Поливанова о происхождении суффикса множественного числа (Кит. грам., стр. 215).

³ См. критические замечания по поводу предложенного Поливановым объяснения японской формы *kodomo* «дети, дети» в чрезвычайно ценной работе А. А. Холдovichа «Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке» («Уч. зап. ЛГУ», Серия филол. наук, вып. 10, Л., 1946, стр. 27—28).

⁴ Возражения против полного растворения синтаксиса в морфологии в этой работе Поливанова см. в кн.: А. А. Драгунов, *Исследования по грамматике современного китайского языка*, I, стр. 5.

⁵ Ср. аналогичное расширение границ морфологии у тех современных китайских лингвистов, которые строят классификацию частей речи на морфологическом принципе.

Говоря о различии между синтаксисом, морфологией и лексикой, Поливанов обосновывает необходимость обособления фразеологии как специальной лингвистической дисциплины: «...по количественному признаку тех величин, которыми оперирует в качестве единиц данная дисциплина, лексика является соизмеримой лишь с морфологией (так как единицей-максимум и в лексике, и в морфологии служит слово, а единицей-минимум — морфема: корень, суффикс, префикс), но не с синтаксисом (оперирующим в качестве единицы-максимум с словосочетанием или фразой, а в качестве единицы-минимум — со словом). И вот возникает потребность в особом отделе, который в данном отношении был бы соизмерим с синтаксисом, но в то же время имел бы в виду не общие типы, а индивидуальные значения данных конкретных словосочетаний и, подобно тому как лексика имеет дело с индивидуальными лексическими значениями конкретных слов» (За маркс. яз., стр. 119, примеч. 1; ср. стр. 144, примеч. 2 и Введ., стр. 60—61)¹. Таким отделом языкознания, согласно Поливанову, должна быть фразеология, которая, по его мнению, «займет обособленную и устойчивую позицию (подобно фонетике, морфологии и т. п.) в лингвистической литературе будущего — тогда в последовательной постановке разнообразных проблем наша наука лишена будет случайных пробелов» (Введ., стр. 61). Эти мысли Поливанова представляют особый интерес в свете позднейших работ советских лингвистов в области фразеологии.

В области лексикологии следует отметить работы Поливанова по проблеме заимствований (ср. ниже). В его трудах рассмотрен ряд наблюдений над закономерностями семантических изменений в различных языках (см., например, о связи значений «гора — лес» в японских диалектах, тюркских и славянских языках: Введ., стр. 32, примеч. 1). Проблемами лексикографии Поливанов занимался в связи с работой над словарями языков народов СССР; интересные мысли высказывал он о проекте грамматического словаря (см. предисловие к Союст. грам.).

Е. Д. Поливанов неоднократно писал о том, что одной из отличительных черт советского языкознания является активное участие в практической деятельности, вызываемой потребностями реальной жизни (Особ., стр. 6—7, За маркс. яз., стр. 6, 26). В программу общелингвистического курса он включал изложение «прикладной лингвистики» (Введ. II, III, V). Вклад самого Поливанова в эту практическую работу заключался в составлении описательных грамматик, словарей, учебников и букварей² ряда языков народов СССР, а также в кипучей деятельности, связанной с реформой письменности народов СССР, и в подготовке молодых ученых (прежде всего в национальных республиках).

Еще в годы перед Октябрьской революцией Поливанов помогает своему ученику — молодому якутскому лингвисту С. А. Новгородову разработать проект якутского алфавита (издание первого якутского букваря, написанного на этом алфавите, осуществилось в конце 1917 г.; см. об этом: За маркс. яз., стр. 98). Сразу же после реформы русского правописания Поливанов выступает в защиту этой реформы (см. Узб. диал., стр. 34, примеч. 1). В 1922 г. на II съезде узбекских работников просвещения Е. Д. Поливанов делает доклад о латинском алфавите для узбекского языка (см. Тезисы). В 1923 г. он выпускает брошюру, где доказывается необходимость согласованных действий при реформе графики различных тюркских языков (Латшрифт). В 1924 г. Поливанов снова выступает по вопросам реформы узбекской письменности (Проект), вслед за этим печатает статью о казахской графике (Каз. орф.). В 1926 г. ко II тюркологическому съезду Поливанов пишет брошюру, в которой специально рассматриваются вопросы узбекской, азербайджанской и якутской письменности, причем подчеркивается

¹ Ср. близкое к этим мыслям Поливанова четырехчленное деление «означающей» системы языка на «синтаксические, фразеологические, морфологические и лексические» правила у Н. С. Трубецкого: N. S. T r u b e t z k o y, Grundzüge der Phonologie, стр. 6 (N. S. T r o u b e t z k o y, Principes de phonologie, стр. 2).

² См., например, Л. И. Пальмин и Е. Д. Поливанов, «Ман». Русский букварь для русских детей Туркестана, Ташкент, 1925.

необходимость соблюдения фонематического принципа при реформе алфавита (см. Лат., особенно стр. 13 и 18, а также Узб. грам., ч. II, стр. 54—92). 5—6 июня 1927 г. Е. Д. Поливанов вместе с Н. Ф. Яковлевым и Л. И. Жирковым принимает деятельное участие в заседаниях Комиссии по унификации алфавита Пленума Всесоюзного центрального комитета по проведению нового тюркского алфавита¹. В 1928 г. Поливанов избран в состав Научного совета Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита².

Результаты своих работ, связанных с деятельностью этого научного совета и комиссии, Поливанов подытожил в ряде статей, опубликованных в 1928 г. в сборниках «Культура и письменность Востока» и в периодической печати³. Одновременно с этим он пишет статьи обзорного характера, где дает общий очерк реформы графики народов СССР (позднее эти статьи вошли в сборник За маркс. яз., стр. 82—89, 95—116). Стремление активно участвовать в деле дальнейшего развития письменности и литературных языков народов СССР не оставляло Поливанова и позднее, во время его пребывания в Средней Азии (см. Узб. диал., особенно стр. 34—43). Неслучайно последние его работы опубликованы в 1937 г. в сборнике, посвященном проблемам дунганского правописания.

Достоинством работ Поливанова по графике и орфографии является то, что он (как и Н. Ф. Яковлев, а также Л. И. Жирков) в своей деятельности по преобразованию письма руководствовался фонологическими принципами. Поливанов тщательно изучал теорию и историю письма. Исторические занятия у него оказывались теснейшим образом связанными с самыми злободневными вопросами. Решая проблему обозначения долгих гласных в новых тюркских алфавитах, Поливанов в то же время исследовал передачу долгих гласных в древнетюркской письменности. Он специально занимался историей знаков енисейско-орхонской письменности и выдвинул оригинальную гипотезу об идеографическом происхождении некоторых из них. Поливанов был хорошо знаком с древними системами письма не только Дальнего Востока, но и Передней Азии (см. сопоставление истории шумерской и китайской графических систем, Алф.).

Стремление использовать теоретическую и прикладную лингвистику в практических целях проявляется у Поливанова не только в работах, посвященных вопросам письма, но и в статьях, где ставится вопрос о массовой культуре форм речи (За маркс. яз., стр. 171). Его высказывания о формах речи имеют много общего с идеями Л. П. Якубинского. Как и Л. П. Якубинский, Е. Д. Поливанов разделял интерес к вопросам речевого стиля, присущий группе молодых талантливых филологов, которые занимались проблемами поэтического языка. Не только в годы Октябрьской революции, когда он непосредственно примыкал к «Обществу по изучению поэтического языка»⁴ и печатался в его изданиях⁵, но и в последующий период своей деятельности Поливанов уделял

¹ См. стенограммы этих заседаний, напечатанные в качестве приложения в сб. «Культура и письменность Востока», кн. I (М., 1928, стр. 120, 121, 125, 129, 130, 133). См. также стенограммы выступлений Поливанова, напечатанные в «Стенографическом отчете первого пленума Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита, заседавшего в Баку от 3-го до 7-го июня 1927 года», М., 1927, стр. 78—83, 143—146.

² См. «Хронику» в сб. «Культура и письменность Востока» (кн. IV, Баку, 1929, стр. 162).

³ См., например, проф. Е. Поливанов, Невозможно молчать, газ. «Правда Востока» 22 X 28, стр. 3. См. также стенограммы выступлений Поливанова: «Стенографический отчет второго пленума Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита, заседавшего в гор. Ташкенте от 7-го по 12-е января 1928 года», Баку, 1929, стр. 46—47, 96—99, 178—182; «Стенографический отчет Третьего пленума Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита, заседавшего в Казани от 18-го по 23-е декабря 1928 г.», Казань, 1928, стр. 132—134, 158—159.

⁴ О Е. Д. Поливанове и Л. П. Якубинском см.: Л. Ю. Брик, Из воспоминаний, альманах «С Маяковским», М., 1934, стр. 79.

⁵ Об участии Поливанова в работе «Опояса» см. V. E r l i c h, Russian formalism, 's-Gravenhage, 1955, стр. 47, 49, 51, 54 и 75 (примеч. 43).

значительное внимание проблемам связи языка и стихосложения. Ему принадлежат интересные наблюдения о связи аллитерационного стиха в древнегерманской, финской, эстонской, монгольской и якутской поэзии о начальным ударением, благодаря которому начало слова стоит в фонетическом фокусе (Акц., стб. 85; Алл., стб. 96—97)¹. Специальная статья Поливанова посвящена исследованию китайского стихосложения, метрический характер которого обусловлен особенностями китайской акцентуации (Метр. кит.). В одной из первых своих работ по узбекскому языку он дает также анализ формы узбекского стиха, связывая одну из его особенностей с древним двухполюсным ударением (Ташк. диал., стр. 90). В план своей незавершенной книги по общей лингвистике Поливанов включил особый раздел «Языкознание и поэтика (фонетическая теория мерной речи)» (Введ., стр. III). Он предполагал начать работу над трудом «Corpus roeticarum» («Свод поэтик»), где собирался сопоставить особенности строя отдельных языков мира с особенностями поэтики соответствующих литератур².

Описание языка Е. Д. Поливанов никогда не считал самоцелью. Согласно его взглядам, целью лингвистики является объяснение причин языковых явлений (Введ., стр. 1). Эти причины могут быть раскрыты только при изучении истории языка. Поэтому историческому исследованию языка он придает особое значение.

Как указывал Поливанов, с историческим языкознанием неразрывно связано сравнительное языкознание (Введ., стр. 31). Он упорно и мужественно защищал сравнительно-историческое языкознание от обвинений яфетидологов. Считая правильными выводы статьи Н. Я. Марра о родстве грузинского языка с семитскими (Яп. акц., стр. 106, примеч. 1), Поливанов указывал, что и в этой работе (о которой он говорил как о единственной приемлемой для него из сравнительных исследований Марра) содержится только гипотеза, доказательство которой самим Н. Я. Марром не дано (Кор.-алт., стр. 196, примеч. 1). Те же яфетидологические работы Марра, в которых отрицался сравнительно-исторический метод, Поливанов считал лишними научной ценности (За маркс. яз., стр. 6—7)³. Со свойственным ему стремлением к математической точности Поливанов использовал теорию вероятностей для доказательства истинности сравнительно-исторического метода и полной абсурдности яфетидологических этимологий (За маркс. яз., стр. 177—182). Подчеркивая значение реконструкции праязыкового состояния для сравнительно-исторических исследований (За маркс. яз., стр. 11—14, Введ., стр. 43—47), Поливанов указывал, что реконструируемые праязыки не имеют ничего общего с первобытным «приматным языком». «И единственный случай гипотетического праязыка, к которому приложимо и понятие приматного языка,— это праязык, постулируемый яфетической теорией: *саль-бар-ён-рош*» (Факторы, стр. 26, прим. 1).

В отличие от яфетидологов Поливанов считал, что все достижения сравнительно-исторического языкознания должны быть использованы в советской лингвистике. Вместе с тем он признавал, что такая глава сравнительной грамматики, как «Индоевропейские древности», «нуждается в пересмотре с точки зрения социологической. Однако „правка“ эта должна будет прийтись именно на не-языковые объяснения языковых фактов...» (За маркс. яз., стр. 28, примеч. 2).

¹ На эти наблюдения Е. Д. Поливанова ссылается Б. А. Пестовский в своей статье «О поэтической технике калмыцких песен» («Бюлл. 1-го Средне-Азиатского гос. ун-та», Ташкент, 1924, № 4, стр. 85, примеч. 2). Идеи, близкие к указанным наблюдениям Поливанова, формулируются и в других современных исследованиях; см., например, R. Jakobson, The kernel of comparative Slavic literature, «Harvard Slavic studies», vol. I, Cambridge, Mass., 1953, стр. 4. Ср. новейшее исследование по истории монгольского стиха: P. Poucha, Zur Entwicklung des Mongolischen Verses. (Vom Altaischen zum Khalkha-Mongolischen), «Charisteria orientalia (praecipue ad Persiam pertinentia)», Praha, 1956.

² Сообщением об этом замысле Е. Д. Поливанова автор настоящей статьи обязан любезности В. Б. Шкловского. Пользуясь случаем принести благодарность Н. И. Конраду, В. Б. Шкловскому, В. А. Каверину, К. М. и М. К. Поливановым за сообщенные ими факты, относящиеся к жизни и деятельности Е. Д. Поливанова.

³ См. также краткое изложение прочитанного Поливановым 4 февраля 1929 г. доклада «Проблема марксистского языкознания и яфетической теории», помещенное в отделе «Хроника» в журн. «Р. яз. в сов. шк.», М., 1930, № 4, стр. 202—203.

Поливанов был хорошо знаком со сравнительно-исторической грамматикой индоевропейских языков и с историей отдельных групп индоевропейской семьи, о чем свидетельствуют его специальные статьи (например, о суффиксе *-*dhi*) и замечания, содержащиеся в его работах общего характера. Некоторые выводы Поливанова, основанные на применении фонологических методов к исследованию истории индоевропейских языков, сохраняют значение до настоящего времени¹.

Методы сравнительно-исторического языковедения, усвоенные им благодаря изучению индоевропейистики, Поливанов применил к исследованию языков других семей. Уже первая его работа, посвященная сравнительному изучению японского и рюкюского языков, по-новому осветила ряд вопросов истории звуковых систем этих языков, показав несостоятельность выдвигавшихся ранее концепций (Ср. Очерк). Как впоследствии признал рюкюский ученый Ифа, Поливанову удалось в этой работе предвосхитить выводы, к которым Ифа пришел лишь в 30-х годах².

Дальнейшее изучение истории японского и рюкюского языков Поливанов проводил посредством сравнения данных японских диалектов (в основном он использовал самостоятельно собранный им материал). Особенно много сделал он для реконструкции доисторической общепонской системы фонем и акцентологической системы. Обратив внимание на ряд лингвистических фактов, позволяющих предположить возможность родства японского (и рюкюского) языков с малайско-полинезийскими, он стал проверять это предположение на лингвистическом материале (За марк. яз., стр. 33). При этом он исходил из выводов, полученных путем внутренней реконструкции на основе «одного лишь японского» (За марк. яз., стр. 33). В пользу предположения о родстве японского и малайско-полинезийского языков оказалось возможным привести некоторые морфологические (Яп.-мал., стр. 2284; Яп. грам., стр. XXXI—XXXII), акцентологические, фонетические и лексикологические соответствия³ (Яп. акц., стр. 104—107; *Travail*; *Введ.*, стр. 36, примеч. 1; *Конс.*, стр. 155, 157, примеч. 1, стр. 162). Эти мысли Поливанова встретили сочувственное отношение со стороны Нобухиро Мадумото, развившего их в специальной монографии⁴; широкого признания, однако, они не получили.

Е. Д. Поливанов сам признавал, что гипотеза о родстве с малайско-полинезийскими языками не объясняет большого числа фактов японского языка. Исследование истории японского языка привело Поливанова к выводам о наличии ряда слов, общих у японского с корейским (Яп. грам., стр. XIII, примеч. 2; *Конс.*, стр. 154)⁵. При изучении проблемы родственных связей корейского языка Поливанов также восстанавливает прежде всего древнейшую структуру этого языка методом внутренней реконструкции (см. выше о японском). Это обстоятельство следует особенно подчеркнуть потому, что он был одним из первых лингвистов, применивших метод внутренней реконструкции для анализа индоевропейских языков (см. выше о его открытии в области исторической фонетики грузинского языка). Последую систему гласных корейского языка, Поливанов в 1916 г. отмечает наличие в этом языке следов сингармонизма (Кор. гл., стр. 348). Это наблюдение и некоторые лексические соответствия дают ему основания сформулировать уже в 1923 г. гипотезу о родстве корейского языка с алтайскими (*Umlaut*, стр. 121, примеч. 2; обобщение этой гипотезы см. *Яп. акц.*, стр. 106, примеч. 1)⁶. При установлении фонетических соответствий между корейским и алтайскими языками Поливанов опирается на «этимологические данные, извлекаемые из самого корейского языка» и корейской письменности (*Введ.*, стр. 51—52; ср. также Термины, стр. 117). В 1927 г. Поливанов в окончательном виде формулирует и подкрепляет рядом доказательств (преимущественно лексических) теорию об алтайском происхождении корейского языка (Кор.-алт.). В мировой науке эта теория получила признание благодаря работам Г. Рамстеда, который независимо от Поливанова пришел к тем же выводам и доказал их правдивость посредством анализа очень большого конкретного мате-

¹ См. об этом: В. В. И в а н о в, указ. рец., стр. 130; о г о ж е, Новая литература о диалектном членении общиндоевропейского языка, ВП, 1956, № 2, стр. 111, примеч. 4.

² См. об этом Н. А. С ы р о м я т н и к о в, Система фонем японского языка, «Уч. зап. Ин-та востоковедения», т. IV — Лингвистический сборник, М., 1952, стр. 327—328.

³ Следует заметить, что и в малайско-полинезийских языках (а не только в японском, как думал Поливанов) редупликация может быть приметой слов с особым эмоциональным (стилистическим) заданием (например, в языке индонезийской народной поэзии).

⁴ N o b u h i r o M a t s u m o t o, Le japonais et les langues austroasiatiques. Étude de vocabulaire comparé, «Austro-asiatica», t. 1, Paris, 1928 (о работах Поливанова см. там же, стр. 25).

⁵ Некоторые из приведенных Поливановым сопоставлений еще ранее отмечались в работах японских ученых.

⁶ Следует отметить, что предложенная Поливановым этимология корейского *nug* «глаз» позднее была дана и Г. Рамстедом: G. J. R a m s t e d t, Studies in Korean etymology, Helsinki, 1949, стр. 172.

риала. При этом оба ученых предложили ряд одинаковых алтайских этимологий корейских слов¹.

Дальнейшие занятия другими алтайскими языками (монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и тюркскими) позволяли Поливанову отметить также наличие в этих языках слов, общих с японским, но не имеющих соответствий в корейском (Яп. грам., стр. XIII, примеч. 2; ср. стр. 40; Узб. диал., стр. 16, примеч.).

Е. Д. Поливанов внимательно изучает фонетические соответствия, уже установленные к тому времени в алтаистике. Особое его внимание привлекает вопрос о фонетической характеристике общеалтайских фонем, предельных в чувашском в виде плавных, в других же тюркских языках — в виде спирантов (Введ., стр. 34, примеч. 2; Материалы, стр. 19), а также проблема алтайского ударения, которое он считал двухполосным.

В области сравнительной грамматики алтайских языков Поливанов высказал также гипотезу, которая до настоящего времени осталась незамеченной: он предположил, что начальное *h* в узб. *hokiz*, *hokuz* «бык» восходит к общеалтайскому *p (Введ., стр. 59, примеч., и стр. 94). Та же гипотеза (по отношению к туркм. *hokiz* «бык») была независимо от него высказана М. Рясненном, подтвердившим данное предположение рядом других аналогичных соответствий².

Работы Поливанова, в которых в сравнительном плане изучаются явления алтайских языков, непосредственно связаны с его исследованиями по грамматике тюркских языков. Поливанов был в числе тех исследователей, которые в одно и то же время открыли наличие длинных гласных в тюркском праязыке³. Значительное внимание он уделял проблемам классификации тюркских языков и диалектов (см., например, об изоглоссах в тюркской языковой области — Материалы, стр. 11 и след.); некоторые из этих диалектов были впервые обследованы им самим.

Особенностью сравнительно-исторических работ Поливанова было то, что при установлении языкового родства он считал нужным учитывать общие сходства в фонетическом и морфологическом строе сравниваемых языков в тех случаях, когда можно доказать, что такие сходства восходят к достаточно отдаленному периоду (Яп. акц., стр. 106; Кор.-алт., стр. 1196). Это свидетельствует о стремлении Поливанова использовать в сравнительно-исторических работах достижения описательной лингвистики XX в. Об этом же говорит и отмеченное выше широкое применение в его работах метода внутренней реконструкции.

В работах Поливанова по исторической фонетике японского языка последовательно проводится принцип относительной хронологии и указываются пределы реконструкции, не использующей сравнения с другими языками (ср. Конс., стр. 155, примеч. 1, стр. 162—164 и др.). Необходимость разграничения разных периодов Поливанов признает и по отношению к реконструированному праязыку (ср. отчасти сходные с положениями ларингальной теории замечания о происхождении индоевропейских длинных гласных: Введ., стр. 196, примеч. 1; Un mot, стр. 405, примеч. 1).

В реконструкции древнейшего праязыкового состояния Поливанов видел рабочее средство для объяснения истории других позднейших

¹ Ср. этимологии корейских слов *tol* «камень», *agl* «лошадь», *mul* «вода», *i* «этот», *kjeŋl* «зима» (в транскрипции Рамстеда), *kol* «долина», *nal* «день», *karak* «палец», данные в статье Е. Д. Поливанова (Кор.-алт., стр. 1198, 1199, 1202, 1203) и в издании 20 лет спустя словаре Рамстеда (G. Ramstedt, указ. соч., стр. 272, 138, 154, 66—67, 103, 121, 159, 96). Важно отметить при этом, что с работами Поливанова Рамстедт не был знаком ни тогда, когда впервые выдвинул предположение о корейско-алтайском родстве, ни позднее, при составлении своего словаря.

² См. М. Ряснен, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, М., 1955, стр. 24—25 (указанная выше работа Поливанова Ряснену осталась неизвестной). Ср. об этом общеалтайском слове и его возможных доисторических связях с индоевропейским **peku-*: G. J. Ramstedt, The relation of the Altaic languages to other language groups, «Journ. de la Société finno-ougrienne», LIII, 1, Helsinki, 1947, стр. 25.

³ Историю этого вопроса см.: М. Ряснен, указ. соч., стр. 59. Ряснен упоминает в своей книге только статью Поливанова «К вопросу о долгих гласных в общетюркском праязыке», напечатанную в 1927 г. Но мысль о соответствии между якутскими и туркменскими долготами, которую Ряснен считает в данном случае решающей, была высказана Поливановым за 3 года до этого — в 1924 г. (Долг. гл.).

систем (За маркс. яз., стр. 13). Но он был далек от того, чтобы все факты этих позднейших систем истолковывать, исходя из праязыкового состояния. Говоря о сложности связей между алтайскими языками, Поливанов указывал, что эти связи обусловлены не только существованием одного алтайского праязыка (Кор.-алт., стр. 1203). Реальные исторические пути развития родственных языков он считал необходимым объяснять социальными факторами (Материалы, стр. 5—9).

Характерной чертой сравнительно-исторических работ Поливанова, связанной с влиянием на него идей Бодуэна и Щербы, являлось его увлечение проблемами скрещивания языков. Признавая теорию Бодуэна о смешанном характере языков, Поливанов широко использовал эту теорию в своей лингвистической практике. Происхождение японского языка он изображал как результат взаимодействия двух источников — малайско-полинезийского и алтайского (Яп. грам., стр. XII—XIII, XXX—XXXI). Особенности фонетики германских языков Поливанов пытался объяснить влиянием субстрата урало-алтайского (финского?) типа с гармонией гласных (Umlaut, стр. 122; ср. аналогичные идеи Д. В. Бубриха и других лингвистов). Полузвонкий характер северо-китайских согласных он объяснял скрещением китайской фонетической системы с корейской (Введ., стр. 103)¹. Но влияние субстрата предполагалось им в тех случаях, когда внутри изучаемого языка он не находил объяснения тому или иному явлению. Когда же, как, например, по отношению к северо-восточным японским говорам, исчерпывающее объяснение могло быть дано при анализе системы одного данного языка, Поливанов считал излишним предположение об иноязычном (в данном случае — инском) влиянии (Вокал., стр. 107).

Е. Д. Поливанов считал, что концепцию Бодуэна о смешанном характере языков, а также теорию языковых союзов, в которой он видел продолжение идей Бодуэна, необходимо сочетать с теориями сравнительно-исторического языкознания. По его мнению, «понятие „языкового союза“... оказывается тем самым именно понятием, которым должна быть пополнена традиционная историческая (генеалогическая) классификация языков — для того, чтобы удовлетворить запросам современного социологического языкознания» (Узб. диал., стр. 11, примеч.).

В качестве примера такого комплекса языков Поливанов описывает «языковой союз», в который входит принадлежащие к разным группам языки и диалекты Самарканда, Бухары, Ходжента и прилегающих районов (Узб. диал., стр. 10—11, примеч. 1; Не-синг. гов.). Особенно большое внимание Поливанов уделил проблеме взаимодействия узбекского и таджикского языков. Этот вопрос он подробно изучает в целом ряде работ. Установленное на материале некоторых узбекских диалектов соотношение между скрещением и утратой сингармонизма он подробно распространяет на все узбекские диалекты (в том числе ташкентский), а затем и на другие тюркские языки (Узб. диал., стр. 14—16)².

Взаимодействие и взаимопроникновение различных языковых систем было одной из главных проблем, которые исследовал Поливанов. Он внимательно анализировал передачу звуков одного языка в другом языке (Perception). С анализом этого явления связана задача разработки транскрипции иностранных слов. Транскрипция японских слов в русском языке посвящена уже одна из первых работ Поливанова (Транскр.), получившая высокую оценку Л. В. Щербы³. Позднее Поливанов осуществляет разра-

¹ Возражения против этой точки зрения см. в кн.: А. А. Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка, стр. 30—31, примеч. 3.

² Выдвинутое Поливановым объяснение утраты гармонии гласных узбекскими диалектами как результата ираноязычного влияния неоднократно подвергалось критике со стороны ряда филологов.

³ См. Л. В. Щерба, Предисловие к статье Е. Д. Поливанова «О русской транскрипции японских слов» («Труды Японск. отдела Имп. Общества востоковедения», вып. 1, Пг., 1917, стр. 113—14). Это предисловие не было включено в список трудов Л. В. Щербы, напечатанный в сб. «Памяти акад. Л. В. Щербы» (Л., 1951), между тем в нем содержатся некоторые положения теоретического характера.

ботку русской транскрипции китайских слов (Пособие). Вместе с тем он как историк языка заинтересовывается проблемой передачи тюркских и тунгусо-маньчжурских слов в старых китайских источниках (см.: Ту-кюэ; о джурченском *алчун* см. О голдах, стр. 218).

Особое внимание Поливанов уделяет изучению особенностей китайских заимствований в японском, а также в корейском и вьетнамском, для исторической фонетики которых они представляют исключительный интерес (Ту-кюэ, стр. 691, примеч. 1, стр. 692, 694, 696; Психофон., стр. 44, примеч.; Метр. кит., стр. 156—157; Яп. грам., стр. 151—152, примеч., стр. 173; Кит. грам., стр. 16—18, 154, примеч. 2, стр. 161; Введ., стр. 51—52, примеч.; Perception, стр. 95—96). Разграничивая разные хронологические слои заимствований и указывая на обусловленность развития заимствований фонетическими законами языка, в который они вошли, Поливанов вносит существенные коррективы и дополнения в результаты фундаментальных исследований Б. Карльгрена, посвященных этой проблеме.

Е. Д. Поливанов считал, что сравнительно-историческое изучение китаизмов в японском языке является существенной частью сравнительной фонетики китайских диалектов (Введ., стр. 51, примеч. 3), так как сравнительно-исторический метод применим не только к сходным фактам двух родственных языков, но и к тем сходным фактам в неродственных языках, «которые объясняются заимствованием отдельных слов...» (Введ., стр. 50). Поэтому, например, обосновывая гипотезу об отражении древних китайских тонов в музыкальной акцентуации японских числительных, заимствованных из китайского, Поливанов объединяет сравнительно-историческое исследование слов неродственных (китайского и японского) языков с сопоставлением слов родственных (китайского и тибетского) языков (Яп. грам., стр. 173; ср. Кит. грам., стр. 16—18). Он считает, что в таких случаях создается особая сравнительная грамматика неродственных языков, рассматривающая в них те явления, «которые оказываются (благодаря процессам заимствования) родственными» (Введ., стр. 52). По мнению Поливанова, в некоторых случаях можно сомневаться в том, к какой «группе (семье) языков следует относить данный язык: считать ли его языком группы А, объясняя чужеродные (для А) его элементы как „заимствования“ из языковой группы Б, или же наоборот—признавать его языком группы Б, обладающим, однако, рядом „заимствований“ из А» (Введ., стр. 52). Здесь он приближается к концепции языкового родства, напоминающей взгляды В. Пизани.

Высказывая Поливанова, однако, противоречивы. С одной стороны, он утверждает, что различие между «сравнительными грамматиками заимствованных элементов и сравнительными грамматиками нормального объема—только количественное» (Введ., стр. 52). С другой же стороны, он справедливо указывает, что, признавая языки родственными на основании заимствований, мы отвлекаемся от обычного критерия родственности языков, заключающегося в общности их морфологического материала (Введ., стр. 51, примеч. 3), так как заимствование отдельных морфологических явлений «встречается гораздо реже» (Введ., стр. 50—51; ср. о взаимодействии грамматических систем Узб. грам., ч. I, стр. 60, примеч., Кит. грам., стр. 205 и работы о таджикско-узбекском двуязычии). Поливанов отмечал, что «в некоторых случаях мы действительно находим громадное количество иностранных лексических заимствований при полной почти незатронутости (данным иностранным влиянием) туземного морфологического строя» (Введ., стр. 51, примеч. 2). Изложенные мысли Поливанова представляют значительный интерес именно для теории словарных заимствований.

Изучая особенности заимствований, Поливанов формулирует закон, который он определяет как «основной для теории заимствований» (Термины, стр. 117). По этому закону, если заимствование не связано с появлением нового понятия, значение термина в заимствующем языке сужается (Введ., стр. 53, примеч. 2).

В ряде работ Поливанов рассматривает историю культурно-исторических терминов, заимствование которых он относит к очень древнему периоду (праязыковому для некоторых семей). Предложенное Поливановым объяснение миграции общеалтайского названия лошади, которое он связывал с историческими данными о приручении ее (Термины, стр. 117; Кор.-алт., стр. 1202—1203; Введ., стр. 52—54), соответствует точке зрения, являющейся в настоящее время широко распространенной¹. Получило признание в синологической литературе и предположение Поливанова о том, что древнекитайское название меда *mit не является исконным и может быть соотнесено с индоевропейским *medhu (И.-е. — о.к.; Касим., стр. 19—20; Термины, стр. 116—117; Введ., стр. 57). Однако, как указал Конради в статье, явившейся откликом на работу Поливанова (и в свою очередь положившей начало целой серии исследований о лексических связях индоевропейских языков с языками Азии), древнекитайское *mit*, *mit* является сравнительно поздним заимствованием². Для исследования этого вопроса существенный интерес представляет «тохарское В» *mit*³. Значительно менее достоверной является гипотеза Поливанова о заимствовании из китайского общиндоевропейского названия «свины» (*Un mot*)⁴.

Изучая проблемы, связанные с заимствованиями, Поливанов обращал особое внимание на то, как заимствованные инородные элементы приспосабливаются к системе заимствовавшего их языка. По его мнению, анализ этих явлений позволяет сделать существенные выводы не только о

¹ См. например: G. Ramstedt, *Studies in Korean etymology*, стр. 138. Помимо слов, история которых освещена в трудах Поливанова, с этим миграционным термином в настоящее время обычно связывают и общее для кельтских и германских языков название лошади (ирландск. *mare* и т. п.).

² См. A. Conrady, *Alle westöstliche Kulturwörter* («Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften», Philol. hist. Kl., Bd. 77, Heft 3), Leipzig, 1925, стр. 7. Следует отметить, что Поливанов преувеличил и древность слов других языков, связанных с этим названием меда: в частности, в чеченский это слово проникло из осетинского (как показал В. П. Довин в своей еще не опубликованной работе о войнахско-осетинских лексических связях), тогда как в финно-угорских, по общему мнению, оно относится к числу многочисленных индоевропейских заимствований до-исторической эпохи.

³ См. H. Jensen, *Indogermanisch und Chinesisch*, «Germanen und Indogermanen. Hirt-Festschrift», Bd. II, Heidelberg, 1936, стр. 141. Древнейшая китайская форма *mišt (см. В. Karlgren, *Grammata serica*, Stockholm, 1940, стр. 228, п. 405 г) соответствует «тохарскому В» *myšt - *mit* (о фонетическом развитии в «тохарском В» ср. W. Krause, *Westtocharische Grammatik*, Bd. I, Heidelberg, 1952, стр. 4). С. Е. Яхонтов любезно сообщил в письме к автору, что он считает возможным в данном случае заимствование не из «тохарского», так как совпадение конечных *d* и *t* и опадение конечного гласного могло осуществиться и в самом китайском языке к III в. до н. э. (когда впервые встречается данное слово). По трактовке группы *me > *myä > *mi* делает возможной связь с «тохарским В», вероятно такую, и по причинам географического и культурно-исторического характера [о возможности та «тохарских» китайских связей ср. R. A. D. Forrest, *The Chinese language*, London, 1948, стр. 120—121; Цзи Сян-линь, *Тохарский язык: его открытие и расшифровка и его роль в культурной связи между Индией и Китаем*, «Языковедческие исследования», № 1, Пекин, 1956 (на китайск. языке)]. Интенсивные «тохарско-китайские связи доказываются благодаря анализу «тохарских» собственных имен. См. W. Krause, *Tocharische Eigennamen*, «Quatrième Congrès international de sciences onomastiques», Uppsala, 1952, стр. 326; егo же, *Eigennamen in tocharischen Texten*, «Ural-Altische Jahrbücher», Bd. XXV, Heft 1—2, Wiesbaden, 1953, стр. 14; егo же, *Tocharisch* («Handbuch der Orientalistik», hrsg. von B. Spuler, Bd. IV — Iranistik, Abschnitt III), Leiden, 1955, стр. 4.

⁴ См. возражения против гипотезы Поливанова в работах Р. Форреста (R. A. D. Forrest, указ. соч., стр. 123) и Э. Бенвениста (E. Benveniste, *Noms d'animaux en indo-européen*, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. XLV, fasc. 1, Paris, 1949, стр. 90—91). Последний признает, однако, что эта гипотеза хорошо обоснована с культурно-исторической точки зрения (там же, стр. 90).

фонетической¹, но и о морфологической структуре языка, в который вошли заимствования. В частности, он указывает, что при исследовании родовых категорий языка, в котором имеется именная классификация, важно учитывать новые заимствования и их грамматические особенности в этом языке; данный тезис он подтверждает фактами русского и чеченского языков².

Сопоставление языков разных типов позволяет Поливанову отчетливо показать отличительные особенности каждого из сопоставляемых языков. В этом отношении показательна данная им сжатая характеристика современного китайского языка в сопоставлении с древнекитайским, с одной стороны, и современными языками иных семей, с другой (Кит. грам., стр. 3—22), а также его сопоставительная грамматика русского и узбекского языков. Сопоставляя сходные явления в различных языках, он стремится определить место, занимаемое соответствующим явлением в системе каждого языка.

Е. Д. Поливанов считал, что от особенностей системы данного языка зависит даже классификация его фонем на гласные и согласные, причем для некоторых языков оказывается необходимым разделить фонемы не на два («гласные» и «согласные»), а на большее число классов (Конс., стр. 147—148)³.

Вместе с тем Поливанов обращал большое внимание на исследование сходных фонетических и морфологических явлений в разных языках мира. В области общей фонетики большое количество таких типологических сопоставлений собрано в его курсе общего языкознания, а также в отдельных статьях: см., например, замечания о языках, в которых различие между смычными и спирантами не играет существенной роли (Каракалп., стр. 7—8, примеч. 3), и наблюдения над ролью гортанного взрыва в разных языках мира (Касим., стр. 13—18; Введ., стр. 84—90)⁴.

Анализ грамматических явлений в трудах Поливанова иногда также сопровождается широкими сопоставлениями с языками других семей; ср. замечания о бессуффиксальном падеже (Яп. грам., стр. XXVI), об объектном спряжении (Кит. грам., стр. 238, примеч. 1); Введ., стр. 22—23, примеч. 2), о приеме удвоения (Яп.-мал., стр. 2284, примеч. 1). В области морфологии заслуживает внимания предложенное Поливановым определение сингармонизма (Узб. диал., стр. 12—13) и выделение «эмбрионально-сингармонистических» языков (там же, стр. 13). Из мыслей Поливанова, относящихся к морфологической классификации языков, следует отметить оригинальную трактовку агглютинативных языков как аналитических (Сопост. грам., стр. 51—52; Методика, стр. 42—43)⁵. Разные морфологические типы языков Поливанов склонен был оценивать с точки зрения их утилитарной значимости, связывая изменение морфологического типа с эволюцией языка как способа коммуникации (Узб. диал.; о сочувственном отношении Поливанова к мыслям Н. Ф. Яковлева о развитии морфологического строя языка см. Круг, стр. 62).

Теории эволюции языка Поливанов отводил центральное место в системе лингвистических дисциплин, указывая на первостепенное философское и практическое значение этой теории (За маркс. яз., стр. 25—26; Введ., стр. 1; Конс., стр. 149—150). Стремление установить общие законы языковой эволюции, которое Поливанов мог усвоить от школы Бодуэна (ср. взгляды Н. В. Крушевского), было постоянной целью не только общелингвистических трудов, но и конкретных исследований Поливанова. Его выводы об основной тенденции развития языка также напоминают теорию Бодуэна де Куртене о замене более трудных звуков бо-

¹ Ср., например, замечания о *f* в заимствованиях из немецкого языка в эстонский в печатаемой ниже статье Е. Д. Поливанова. Ср. аналогичные выводы, к которым приходит П. А. Аристе (P. A r i s t e, Foneetilisi probleeme eesti keele alalt, Tartu, 1947, стр. 39, где, однако, отмечается, что немецкое *f* может дать не только эстонское *v*, как указывает Поливанов, но и *hv*).

² Правильность этого тезиса доказывается, например, анализом заимствований в языке суахили. См.: И. П. Стр о г а н о в а, Процесс развития именной классификации в языках банту, «Уч. зап. ЛГУ», Серия востоковедч. наук, вып. 3, 1952, стр. 206—207.

³ Эта мысль, основанная на фактах китайского языка, является очень ценной и для реконструкции индоевропейской звуковой системы того периода, когда сонанты занимали особое место между гласными и согласными.

⁴ Относительно интерпретации Поливановым латышской прерывистой интонации см. в указ. реп. В. В. Иванова на кн. Е. Куриловича, стр. 135, примеч. 45.

⁵ К этой точке зрения Поливанова присоединяется А. А. Р е ф о р м а т с к и й (см. его «Введение в языкознание», М., 1955, стр. 347).

лее легкими¹. Формулировки, в которых Поливанов излагал свою теорию экономии языковых средств, говоря о языке как о «трудовом процессе» (Факторы: За маркс. яз., стр. 44), нельзя считать удачными. Тем не менее мысли Поливанова о тенденциях эволюции фонетической системы языка могут представлять несомненный интерес в связи с новейшими исследованиями Ципфа, Мартине и ученых, применяющих к языкознанию теорию информации.

Согласно Поливанову, «реальный состав нашей фонационной деятельности (при речевом обмене) действительно определяется, в виде общего правила, условием минимальной траты произносительной энергии, достаточной, однако, для достижения цели говорения (т.е. коммуникации)...» (За маркс. яз., стр. 44). Наиболее яркое свидетельство этому Поливанов видит в сокращениях часто употребляемых слов, понимание значения которых «достигается при неполном произнесении звукового состава слова и даже при самом кратком на него намеке» (За маркс. яз., стр. 44)². Проявление данной тенденции Поливанов видит не только в различных фонетических сокращениях словосочетаний, слов и морфем (Факторы, стр. 39—41; За маркс. яз., стр. 44—45)³, но и в том, что единое и цельное понятие, часто фигурирующее в процессе общения, выражается одним словом, например аббревиатурой (а не словосочетанием) (За маркс. яз., стр. 135—136). С этой точки зрения находит объяснение и процесс грамматикализации, поскольку различие между формальными и лексическими морфемами Поливанов связывает с различной частотой употребления (Введ., стр. 21).

Е. Д. Поливанов стремился не только определить общие тенденции языкового развития, но и сформулировать конкретные закономерности фонетической эволюции. Он считал необходимым как исследование принципов развития фонологической системы (см. выше о его работах в этой области), так и установление общefonетических закономерностей развития звуков.

В работах Поливанова выводится ряд общих закономерностей развития звуков, объясняемых физиологическими факторами и принципом языковой экономии. Такими закономерностями, по его мнению, являются, например, тенденция к падению узких гласных (Введ., стр. 28, примеч. 1), тенденции к более быстрой сглаживанию звонких смывных (по сравнению с глухими) (Груз. согл., стр. 116). Отступления от таких общefonетических закономерностей в каждом отдельном случае должны объясняться особыми факторами: статистическими особенностями употребления фонем⁴, превращением дефектного произношения в общественную норму (Касим., стр. 13—18) и т. п.

Создание Е. Д. Поливановым изложенной выше оригинальной лингвистической концепции и ее обоснование фактами очень большого числа самостоятельно изученных им языков различных семей было возможно благодаря объединению в его лице исключительно одаренного полиглота, талантливого япониста, китаеведа, тюрколога и лингвиста-теоретика,

¹ См. И. Бодуэн де Куртене, Некоторые общие замечания о языковедении и языке, ЖМНП, ч. СЛIII, 1871, февраль, стр. 291—292.

² Развитие мыслей Поливанова об общении посредством «необходимых намеков» и близких к ним идей Л. П. Якубинского см. в блестящей работе Л. С. Выготского «Мышление и речь» (Л. С. Выготский, Избранные психологические произведения, М., 1956, стр. 358—360). Ср. с этими идеями понятие избыточности в теории информации.

³ Вместе с тем Поливанов подчеркивал, что благодаря действию морфологической эволюции взамен чрезмерно сокращенных морфем создаются новые комплексы из сложения двух морфем (Факторы, стр. 41, примеч. 1); ср. аналогичные замечания проф. Чжао Юань-жэня по этому поводу: Y u e n R e n C h a o, Meaning in language and how it is acquired, «Transactions of the Tenth Conference [on cybernetics]. April 22, 23 and 24, 1953», New York, 1955, стр. 64.

⁴ См. выше предложенное Поливановым объяснение развития *p' > kw' в японских говорах.

хорошо знакомого не только с русской и западноевропейской, но также с дальневосточной и арабской лингвистикой.

Многие работы этого замечательного советского ученого остались незавершенными или не увидели света, а позднее были утрачены. Отчасти это объясняется трагической судьбой Евгения Дмитриевича Поливанова, вызванной его мужественной борьбой против яфетидологии, отчасти же — теми особенностями его характера, которые навеяли В. А. Каверину образ профессора Драгоманова в романе «Скандалист».

Но и из напечатанных работ Е. Д. Поливанова, сохраняющих значение до настоящего времени, многие остались неизвестными или малоизвестными, так как они опубликованы в трудно доступных изданиях, давно уже ставших библиографической редкостью. Кроме того, фрагментарность изложения и причудливость композиции трудов Поливанова мешают найти в них места, которые относятся к отдельным языкам и к проблемам общего языкознания и которые могли бы представлять для специалистов большой интерес. Поэтому следует пожелать скорейшего издания работ Поливанова в сопровождении подробных тематических и языковых указателей (и, конечно, с исправлением всех многочисленных корректурных ошибок). Ниже приводится составленный автором настоящей статьи список работ Поливанова и публикуется одна из тех печатных работ Поливанова, которые остались совершенно незамеченными. Работа излагает основы учения Поливанова о конвергенциях и дивергенциях. Это учение, как указывалось выше, является общепризнанным вкладом Поливанова в развитие диахронической фонологии. Тем не менее публикуемая ниже работа, изданная в 1923 г. в Ташкенте ничтожным тиражом, была не известна даже тем лингвистам, которые использовали другие труды Поливанова для дальнейшего развития диахронической фонологии. Между тем статья позволяет составить ясное представление о теории конвергенций. По словам самого Е. Д. Поливанова, эту теорию он излагал в качестве специального курса в 1920—1921 гг. в Петроградском университете, делал на эту тему доклады в Лингвистической секции Неофилологического общества и в Московском лингвистическом кружке. Ей же посвящена обширная работа «О самодовлеющей функции конвергенции», рукопись которой была утрачена (Ковв., стр. 106). Публикуемая ниже статья в сочетании с другими работами Е. Д. Поливанова может помочь восстановить содержание утраченной рукописи.

СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ Е. Д. ПОЛИВАНОВА

1. Сравнительно-фонетический очерк японского и рюкюского языков, «Зап. Вост. отд-ния Имп. Русск. археол. о-ва», т. XXII, вып. I—II, СПб., 1914, стр. 173—190.
2. Музыкальное ударение в говоре Токио, «Изв. Имп. Акад. наук», Серия VI, т. IX, № 15, 1915, стр. 1617—1638.
3. Материалы по японской диалектологии. Говор деревни Мие, префектуры Нагасаки, уезда Ниси-Сонюки. Тексты и перевод, «Зап. Вост. отд-ния Имп. Русск. археол. о-ва», т. XXIII, вып. I—II, Пг., 1915, стр. 167—201.
4. Конспект лекций по введению в языкознание и общей фонетике, читанных в 1915—1916 учебном году приват-доцентом Е. Д. Поливановым на Женских педагогических курсах новых языков, ч. I, Пг., 1916, 87 стр.
5. Труды Идзава Сюдзи по живому китайскому языку, «Вост. сборник», кн. II, Пг., изд. О-ва русск. ориенталистов, 1916, стр. 341—344.
6. Гласные корейского языка. I—Современное произношение гласных. II—Происхождение современных корейских гласных, «Вост. сборник», кн. II, Пг., 1916, стр. 344—348.
7. Индоевропейское *medhu — общеитайское *mit, «Зап. Вост. отд-ния Имп. Русск. археол. о-ва», т. XXIII (1915), Пг., 1916, стр. 263—264.
- 7а. Мелочи по японскому языкознанию. I—Японский пример словарной контаминации в двуязычном мышлении. II—Русское *киримон* — японское *китомо*, там же, т. XXIV (1916), Пг., 1917, стр. 95—96.

8. О русской транскрипции японских слов, «Труды Японск. отдела Имп. О-ва востоковедения», вып. I, Пг., 1917, стр. 15—36.
9. Психофонетические наблюдения над японскими диалектами. I—Говор деревни Мие, префектуры Нагасаки, уезда Ниси-Соноки. II—Музыкальное ударение в говоре Киото, Пг., 1917, 113 стр.
10. Акцентуация японских прилагательных с двусложной основой, «Изв. Росс. Акад. наук», Серия VI, т. XI, №№ 12—18, 1917, стр. 1089—1093.
11. Одна из японо-малайских параллелей, «Изв. Росс. Акад. наук», Серия VI, т. XII, № 18, 1918, стр. 2283—2284.
12. Формальные типы японских загадок, «Сб. Музея антропологии и этнографии», т. V, вып. 1 (Ко дню 80-летия акад. В. В. Радлова), Пг., 1918, стр. 371—374.
13. По поводу «звуковых жестов» японского языка, «Поэтика. Сборники по теории поэтического языка», I—II, Пг., 1919, стр. 27—36.
14. Следы суффикса Imperativi **-dhi* на славянской почве, ИОРЯС, т. XXIV (1919), кн. 2, Пг., 1923, стр. 349—350.
15. Тезисы доклада проф. Поливанова «О принципах построения турецкой грамматики», журн. «Наука и просвещение», № 1, Ташкент, 1922, стр. 12.
16. Тезисы доклада проф. Поливанова о реформе узбекской орфографии, там же, стр. 13—14.
17. Процесс грамматикализации. (Глава из общей морфологии), там же, стр. 14—16.
18. Звуковой состав ташкентского диалекта, там же, стр. 17—19.
19. Лекции по введению в языкознание и общей фонетике, Берлин, Гос. изд-во РСФСР, 1923, 96 стр. [Переизд. Конспекта].
20. Татарская народная версия «Шемякина суда», «Сб. Туркест. вост. ин-та в честь проф. А. Э. Шмидта. (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898—1923 г.)», Ташкент, 1923, стр. 103—105.
21. Из теории фонетических конвергенций. Латинский пример конвергенции с полным уподоблением. (Первая статья по теории фонетических конвергенций), там же, стр. 106—108. Вторая статья по теории фонетических конвергенций, там же, стр. 108—115.
22. Дальневосточные термины орудий письма, там же, стр. 116—119.
23. Причины происхождения Umlaut'a, там же, стр. 120—123.
24. Фонетические конвергенции, Ташкент, 1923.
25. Фонетические особенности касимовского диалекта (Ин-т востоковедения в Москве, Серия турецких языков, вып. I), М., 1923.
26. Проблема латинского шрифта в турецких письменностях. (По поводу нового якутского алфавита, азербайджанской азбуки jeni jol и узбекского алфавита, санкционированного 2-м Съездом Узб. раб. просвещения), М., 1923, 20 стр. (Нар. Ком. Нац. ин-т востоковедения в Москве, Серия турецких языков, вып. III), 1 л. [стеклограф. изд.].
27. Образцы фонетических записей ташкентского диалекта, «Бюлл. 1-го Средне-Азиатского гос. ун-та», № 4, Ташкент, 1924, стр. 87—90.
28. К работе о музыкальной акцентуации в японском языке (в связи с малайскими), там же, стр. 101—108 (Приложение I).
29. Вокализм северо-восточных японских говоров, «Докл. АН СССР», [Серия] В, Л., 1924, июль—сентябрь, стр. 105—108.
30. О метрическом характере китайского стихосложения, «Докл. АН СССР», [Серия] В, Л., 1924, октябрь—декабрь, стр. 156—158.
31. К вопросу об обще-турецкой долготе гласных, «Бюлл. 1-го Средне-Азиатского гос. ун-та», № 6, 1924, стр. 157.
32. Проект латинского шрифта узбекской письменности, там же, стр. 158—159.
33. Рец. на журн. «Восток» (кн. 1—4) [Л., 1922—1924] — журн. «Новый Восток», кн. 5, М., [1924], стр. 435—439. См. также краткую заметку о книге Войтоловского «У японцев» («Новый Восток», кн. 6, [1924], стр. 482).
34. О гортанных согласных в преподавании арабского языка, «Бюлл. Средне-Азиатского гос. ун-та», вып. 7, Ташкент, 1924, стр. 28—29.
35. Новая казак-киргизская (Байтурсуновская) орфография. Спорные вопросы киргизской графики и орфографии, там же, стр. 35—43.
36. Краткая классификация грузинских согласных, там же, вып. 8, 1925, стр. 113—118.
37. Sur le travail concernant les systèmes de l'accent musical dans la langue japonaise (et sur le rapport du japonais avec les langues malaises), там же, стр. 119—125.
38. Идеографический мотив в формации орхонского алфавита. (Гипотеза о происхождении орхонских букв: *q^w ↓*, *j¹D*, *s²I*), там же, вып. 9, 1925, стр. 177—181.
39. Характеристика западнояпонской системы музыкальной акцентуации. (Акцентуация в Киото (к'о : то) и Тоса), там же, стр. 183—194.
40. Введение в изучение узбекского языка (пособие для самообучения), вып. 1 — Краткий очерк узбекской грамматики, Ташкент, 1925, 97 стр.; вып. 2 — Тексты для

чтения—Ташкент, 1926, 132 стр.; вып. 3—Тексты для чтения, Ташкент, 1927, 187 стр.

41. Проекты латинизации турецких письменностей СССР. К Туркологическому съезду II, Ташкент, 1926.

42. Этнографическая характеристика узбеков, вып. 1 — Происхождение и наименование узбеков, Ташкент, 1926, 31 стр.

43. Краткая грамматика узбекского языка, Ташкент — М., 1926: ч. I — Внешняя характеристика узбекского языка. Фонетика. Словоизменение имен, 80 стр.; ч. II — Глагол. Приложения: I. О новой узбекской орфографии; II. О латинизации узбекского письма; III. Тексты для чтения, 123 стр.

44. Краткий русско-узбекский словарь, [Ташкент], 1926. III—XII, 218 стр.

45. Революция и литературные языки Союза ССР, журн. «Революционный Восток», [М.], 1927, № 1, стр. 36—57.

46. О литературном (стандартном) языке современности, сб. «Родной язык в школе», кн. 1, М., 1927, стр. 225—235.

47. К вопросу о долгих гласных в обще-турецком праязыке, «Докл. АН СССР», [Серия] В, № 7, 1927, стр. 151—153.

48. 突関 «Ту-кюэ» китайской транскрипции — турецкое *توركلار*. «ИАН СССР»,

Серия VI, т. XXI, № 7—8, 1927, стр. 691—698.

49. К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков, там же, № 15—17, стр. 1195—1204.

50. Краткая фонетическая характеристика китайского языка (пекинского говора северо-мандаринского наречия), М., 1927, 25 стр. [перездано в кн.: Е. Поливанов и Н. Попов-Татива, Пособие по китайской транскрипции, М., 1928, стр. 69—91].

51. О новом китайском алфавите «Чжу-инь цзы-му», «Революционный Восток», 1927, № 2, стр. 90—96.

52. Введение в языкознание для востоковедных вузов, Л., 1928. VI, 220 стр.

53. Специфические особенности последнего десятилетия 1917—1927 в истории нашей лингвистической мысли. (Вместо предисловия), «Уч. зап. Ин-та языка и лит-ры Росс. асоц. научно-исслед. ин-тов обществ. наук [РАНИОН]», т. III, М., 1928, стр. 3—9.

54. Материалы по японской акцентологии. I. Говор Тоса, там же, стр. 133—149.

55. Факторы фонетической эволюции языка, как трудового процесса. I. Обзор процессов, характерных для языкового развития в эпохи натурального хозяйства, там же, стр. 20—42.

56. Задачи социальной диалектологии русского языка, журн. «Родной язык и литература в трудовой школе», М., 1928; № 2, стр. 39—49; № 4—5, стр. 68—76.

57. Русский язык сегодняшнего дня, журн. «Литература и марксизм», 1928, кн. 4, стр. 167—180.

58. Образцы не-сингармонистических (иранизованных) говоров узбекского языка, «Докл. АН СССР», [Серия] В, Л., 1928: № 5, стр. 92—96 [I. Каршинский говор (город Бегбуди)], № 14, стр. 306—312 [II. Вокализм говора гор. Самарканда. (Глава из описания двуязычной системы)] и № 15, стр. 318—323 [III. Самаркандский говор (продолжение)].

59. (В соавторстве с Н. Поповым-Татива) Пособие по китайской транскрипции, М., 1928. II, 92 стр.

60. Итоги унификационной работы. «К проекту Унифицированного НТА, принятому на I Пленуме VI 1927», статья I, сб. «Культура и письменность Востока», кн. 1, М., 1928, стр. 70—80.

61. К вопросу о заглавных буквах, там же, стр. 91—95.

62. Об обозначении долготы гласных в НТА, там же, кн. III, Баку, 1928, стр. 49—51.

63. О буквах *k* и *q*, там же, стр. 52—53.

64. Рецензия на книгу Н. И. Копрда «Японская литература в образцах и очерках» (т. I), журн. «Новый Восток», кн. 20—21, М., [1928], стр. 483—485.

65. Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР, там же, кн. 23—24, 1928, стр. 314—330.

66. Из хроники современных национальных график СССР. (Проект ассирийского алфавита на русской основе), журн. «Революционный Восток», М., 1928, № 4—5, стр. 302—306.

67. Одно из доказательств общности происхождения арабского и европейского алфавитов, сб. «Культура и письменность Востока», кн. V, Баку, 1929, стр. 35—50.

68. Круг современных проблем современной лингвистики, журн. «Русский язык в советской школе», М., 1929, № 1, стр. 57—62.

69. Образцы не-иранизованных (сингармонистических) говоров узбекского языка. I. Говор города Туркестана. II. Фонетическая система говора кышлака Икан (Туркестанский уезд), «ИАН СССР», Серия VII—Отделение гуманитарных наук, № 7, 1929, стр. 511—537.

70. Акцентуация, «Лит. энциклопедия», т. 1, М., 1930, стб. 85—88.
71. Аллитерация, там же, стб. 96—97.
72. Албанский язык, там же, стб. 90.
73. (В соавторстве с О. В. Плетнером) Грамматика японского разговорного языка (Труды Моск. ин-та востоковедения им. Н. Н. Нариманова, XIV), М., 1930. XXXV, 189 стр.¹
74. (В соавторстве с А. И. Ивановым) Грамматика современного китайского языка (Труды Ин-та востоковедения им. Н. Н. Нариманова, XV), М., 1930, 304 стр.²
75. О гольдах. (Очерк), в кн.: В. Опанин, Стойбище Оймеконск. Роман, М.—Л., 1930, стр. 215—230.
76. За марксистское языкознание. Сб. популярных лингвистических статей, М., 1931, 184 стр. [Содержание сборника: Вместо предисловия (стр. 3—9); Историческое языкознание и языковая политика (стр. 10—35); Где лежат причины языковой эволюции? (стр. 36—53); Русский язык как предмет грамматического описания (стр. 54—66); Иностранная терминология как элемент преподавания русского языка (стр. 67—72); Революция и литературные языки Союза ССР (стр. 73—94); Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР (стр. 95—116); О фонетических признаках социально-групповых диалектов и в частности русского стандартного языка (стр. 117—138); Фонетика интеллигентского языка (стр. 139—151); Стук по блату (стр. 152—160); О блатном языке учащихся и о «славянском языке» революции (стр. 161—172); И математика может быть полезной... (стр. 173—181)].
77. Японский язык, БСЭ¹, т. 65, М., 1931, стб. 730—736.
78. Историко-фонетический очерк японского консонантизма, «Уч. зап. Ин-та языка и лит-ры РАНИОН», Лингвистич. секция, т. 4, М., 1931, стр. 147—188.
79. Корейский язык, «Лит. энциклопедия», т. 5, [М.], 1931, стб. 469—471.
80. La perception des sons d'une langue étrangère, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 4, Prague, 1931, стр. 79—96.
81. Некоторые фонетические особенности кара-калпакского языка («Труды Хорезмской экспедиции»), Ташкент, 1933, 27 стр.
82. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. (К современной стадии узбекского диалектового строительства), [Ташкент], 1933, 45 стр.
83. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком, Ташкент, 1933, 182 стр.
84. Материалы по грамматике узбекского языка, вып. I — Введение, Ташкент, 1935, 48 стр., с прил. схемы классификации узбекских говоров.
85. Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам, ч. I, Ташкент—Самарканд, 1935, 91 стр.
86. Zur Frage der Betonungsfunktionen, в кн. «Études dédiées au Quatrième Congrès de linguistes», «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 6, 1936, стр. 75—81.
87. (В соавторстве с Ю. Иншансином) Грамматика дунганского языка. Учебник для начальных школ: ч. I—для начальной школы, Фрунзе, 1935, 66 стр.; ч. II—для III—IV классов, Фрунзе, 1936, 76 стр. [на дунганском яз.].
88. A propos d'un mot indo-européen de provenance chinoise *(*tsi*)*sū-s* < ancien chinois *si «sochon», «Archiv Orientalní», vol. IX, № 3, Praha, 1937, стр. 405—406.
89. Фонологическая система ганьсуйского наречия дунганского языка, сб. «Вопросы орфографии дунганского языка», Фрунзе, 1937, стр. 30—40.
90. Музыкальное слогаударение, или «тоны» дунганского языка, там же, стр. 41—58.
91. О трех принципах построения орфографии, там же, стр. 59—71.
92. Дополнительные предложения профессора Е. Поливанова к проекту дунганской орфографии, там же, стр. 25—29.

¹ Согласно сведениям, любезно сообщенным Н. И. Конрадом, в этой книге Поливанову принадлежат следующие разделы: «Введение» (стр. V—XIII), «Морфология словоизменения» (стр. XV—XXXV), «Фонетика» (стр. 144—176).

² Согласно любезному сообщению Н. И. Конрада, Е. Д. Поливанов написал следующие разделы этой книги: «Вводные замечания» (стр. 3—33), «Фонетика» (стр. 145—198), «Морфология» (стр. 199—264).